

ОНА ПОЯВИЛАСЬ ВПЕРВЫЕ в фильме «Отчий дом», сыграв не главную и не очень большую роль Нюры. С тех пор прошло четыре года, многие актерские работы и многие фильмы уже выветрились из памяти, но то, что сделала Люсьена Овчинникова в той первой своей небольшой роли, не забывается. Вы помните — в сцене свадьбы вышла в круг притихшая Нюра — Овчинникова, начала плясать, засмеялась, всплакнула вдруг, снова засмеялась, и в зале родилось мгновенное ответное чувство, которое трудно логически объяснить, потому что без слов, одним движением лица, глаз, улыбки актриса смогла поведать о своей героине так много, как не всегда удается порой в целом фильме.

Так мы познакомились с Люсьеной Овчинниковой. И с тех пор каждое ее появление на экране вызывает у зрителя вполне определенную и каждый раз одинаковую реакцию. Что это? Однообразие актерской игры? Бедность выразительных средств? Нам думается, нет. Скорее это какая-то очень редкая способность любую роль, даже не очень выписанную, любой образ, даже не наделенный ярким характером, заражать обаянием своей индивидуальности.

У героинь Овчинниковой простые русские имена — Настя, Нюра, Катя, Наташа. Они всегда рядом с главной героиней, они живо сочувствуют и помогают ей, иногда они счастливы, как Катя в «Девчатах», но чаще не все у них гладко и хорошо, и тогда они немножко завидуют главной героине: «Ой, все же вы какая счастливая» (Нюра — «Отчий дом»); «Эх, счастливая ты... Тебя твой Толечка ждет...» (Наташа — «Первый день мира»); «Ой, Аська, такая ты счастливая... Ты даже не представляешь, какая ты счастливая» (Инна — «Утренние поездки»), их некоторая житейская неустроенность подчеркивает, оттеняет исключительность судеб главных героев. Овчинникова всегда привносит в фильм ощущение реальной жизни, в которой еще не все девушки встретили своих любимых и не все события и пережития пришли к счастливому завершению, но которая вся наполнена ожиданием чего-то хорошего.

Эта неприглаженность, обычность ее героинь иногда важнее для нас, чем самые необычные сюжетные повороты и события. В «Девичьей весне» Овчинникова играет поварику Настю, и всякий раз, когда она появляется на экране, исчезает некоторая условность фильма-концерта с его фабулой, призванной связать отдельные концертные номера. И хотя мы были очень рады встретиться с ансамблем «Березка» и фильм смог сделать эту встречу яркой, увлекательной, нам не менее интересно было спуститься с нарядной палубы парохода в камбуз, где в своем белом поварском колпаке колдует над блюдами героиня Овчинниковой, поварику Настя. Нам важно, как она улыбается, разговаривает и просто молчит не потому, что актриса продлевает все это точно «как в жизни», а потому, что сама эта жизненность исполнена для Овчинниковой настоящей поэзии. Актриса учит нас замечать ту простую и неуловимую красоту, которую нельзя на экране просто скопировать, потому что ее нужно любить и чувствовать, — красоту девичьего лица, одновременно грустного и улыбающегося, красоту русского пейзажа, красоту простых человеческих характеров с их душевной широтой и щедростью. По-

ЕЩЕ НЕ СЫГРАНО...

этому, как бы ни звали очередную героиню Овчинниковой, зритель всегда встречает ее, словно свою знакомую.

Но настает время, когда эта «знакомость» уже начинает тревожить.

Отчего рождается это ощущение? Быть может, Овчинникова перестала быть убедительной? Или она сказала о своих героинях уже все, что могла, и нам хотелось бы увидеть актрису совсем в другом амплуа?

Нет, Овчинникова по-прежнему непосредственна и убедительна. Ее героини — простые советские девушки по-прежнему интересны нам. Но от фильма к фильму актриса решает одни и те же задачи. Она играет подруг. Подруга в «Отчем доме» и в «Первом дне мира», подруга в фильме «Солнце светит всем» и в «Девичьей весне», подруга в «Девчатах» и в «Утренних поездках». Амплуа «подруги», в котором так прочно утвердилась актриса, не дает ей возможности сказать о своих героинях глубже и больше, ее задачи ограничены «от сих и до сих» самой специфической ролей. Поэтому от картины к картине она повторяет то, что уже рассказала нам однажды, и не может углубиться дальше, потому что от ее ролей этого уже не требуется.

К чему этот разговор? — могут нам возразить. Быть может, вы считаете, что во всех фильмах с участием Овчинниковой следовало бы просто поменять ее и исполнительниц главных ролей местами? Но разве тот интерес, с которым зрители встречают Овчинникову в небольших ее ролях, не доказывает, что выбор был правильным? Да, выбор был правильным. Более того, в каждой из своих экранных работ Овчинникова блестяще доказала, что ее героини достойны не случайного, а самого пристального внимания и что ее рассказ о нашей современности мог бы стать захватывающе-интересным для нас. Но эта своя тема, с которой актриса пришла в кинематограф, это своеобразие ее дарования очень скоро превратились в типаж, в амплуа, за рамки которого Овчинникова уже не может вырваться.

Послушаем, что думает по этому поводу сама актриса.

— Веселая, разухабистая девчонка, чаще всего подруга главной героини — это моя обычная роль в кино. Я догадываюсь о том, что мне предстоит играть, обычно уже

по телефонному разговору. Недавно, например, звонили со студии, приглашали на пробы. Я спрашиваю: какая роль? Да, говорят, такая веселая девушка. Подруга героини? — спрашиваю. Да, говорят, подруга. Ну, думаю, опять знакомая история. У нас почему-то в кино так повелось, что сыграешь одну-две роли, а потом начинаешь играть только определенный типаж. Поначалу и в ГИТИСе, где я училась, и в Театре им. Маяковского, где я сейчас работаю, я играла роли примерно того же плана, что сейчас в кино. Но в институте, в дипломном спектакле, мне поручили роль арбузовской Тани. В театре я играла Валу в «Иркутской истории». Это гораздо труднее, чем повторять то, что уже однажды найдено. Но это и интересно. Вы поймите меня правильно — я не мечтаю обязательно о главной роли, пусть плохой, невыразительной, но главной. Просто мне кажется, что у меня накопилось достаточно жизненного опыта для того, чтобы сказать зрителям о моих героинях гораздо больше, чем мне это удастся в своих похожих одна на другую киноролях...

К этим словам нельзя не прислушаться. Недавно в «Советском кино» выступил киноактер Марк Бернес. Он говорил о творческих простотах, о том, что труд актера необходимо планировать. Хочется добавить: планировать творчески, внимательно всматриваясь в возможности актера. А то ведь часто бывает так: сыграл актер одну-две роли, и всю его последующую работу на годы, а иногда и на десятилетия «планируют» по точным образцам его прежних киноролей.

Можно было бы привести здесь очень много примеров. У нас есть актеры со своей темой, манерой, ярко выраженной индивидуальностью, не укладывающимися в привычные рамки актерских амплуа. Они вынуждены годами ждать, пока в каком-то фильме, каком-то сценарии им перепадет, может, и эпизод, а может, и целая роль, приблизительно похожая на то, что они уже делали раньше. Мы не приводим здесь никаких фамилий — их все знают, потому что по так называемой «актерской проблеме» у нас уже накопилось довольно солидная литература. Хотелось бы здесь сослаться на прекрасную статью Нонны Мордюковой в «Литературной газете», на ряд материалов, напечатанных в «Советском кино», наконец, на многочисленные устные выступления, которые звучат на совещаниях и пленумах кинематографистов. Кое-что в этой области делается. Но режиссерское «я вижу» и «я не вижу» все еще чересчур много определяет в кинематографе. Расшифровывается же оно часто так: «Я вижу то, что до меня уже успели увидеть другие». «Я не вижу ничего, кроме того, что актер уже не раз успел проделать на экране».

Мы ни в коем случае не стремимся здесь представить Овчинникову в роли какого-то погибшего актерского дарования. Она, к счастью, работает в театре, постоянно репетирует, играет, общается со зрителями. А в кино? В кино она сделала пока не много. Ее маленькие кинороли — это скорее интересная заявка на какую-то иную, более значительную работу. Удастся ли актрисе реализовать эту заявку? Или ее роль в кино так и ограничится ролью подруги, лишь случайно попавшей в орбиту приключений других героев?

Очень жаль, если это будет так.

Т. ХЛОПЛЯНКИНА.